

²⁵ Записка Екатеринбургского биржевого комитета о сооружении железнодорожной линии Екатеринбург – Курган. С. 4–5.

²⁶ См.: *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. С. 115–116.

²⁷ См.: *Широкорад А. Б.* Русско-японские войны, 1904–1905 гг. Минск, 2003. С. 206.

²⁸ *Connanghton R. M.* The War of the Rising Sun and Tumbling Bear. A Military History of the Russo-Japanese War, 1904–1905. L.; N. Y., 1988. P. 16.

²⁹ *Куропаткин А. Н.* Русско-японская война, 1904–1905. Итоги войны. СПб., 2002. С. 221.

³⁰ *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. С. 116.

³¹ См.: Там же. С. 115.

³² См.: *Connanghton R. M.* The War of the Rising Sun and Tumbling Bear... P. 16.

³³ *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. С. 117.

³⁴ Там же. С. 116.

Революция и повседневность: 1905 год в восприятии горожан

И. В. Нарский

Челябинский государственный университет

«9-го января в Петербурге произошел “расстрел рабочих”. Редкое событие в истории России за последнее время пользовалось такой популярностью, как этот “расстрел”. С каждым годом это событие раскрашивалось новыми цветами, фантазией, обогащалось высосанными из пальца подробностями, украшалось пышными фразами и словами и, наконец, превратилось в крупное историческое событие, имеющее весьма мало сходства с действительностью»¹. Цитата из воспоминаний бывшего челябинского акцизного чиновника К. Н. Теплоухова, составленных на основании дневника, который мемуарист систематически вел с 1899 г., как нельзя лучше вводит в круг проблем, затрагиваемых в этой статье. Несомненно, устоявшиеся в научном и обыденном сознании потомков исторические образы Первой российской революции, как и любого другого события, преобравшего статус исторического, чаще всего не совпадают с представлениями о ней большинства «рядовых» современников начала XX в.

© И. В. Нарский, 2006

Эта банальная истина конечно же не означает, что восприятие современников адекватно и «объективно» отражает реальность, как полагал автор мемуаров и как считают те историки, которые подходят к источникам без должной критики, наивно видя свою задачу в «восстановлении» или «отображении» действительности через прилежное воспроизведение якобы надежного источникового материала. Субъективность восприятия свидетелей и участников исторических событий не отменяет, однако, необходимости его изучения. Восприятие отражает не действительность, а сложный процесс ее перманентного конструирования, в котором наряду с восприятием задействованы такие сложные и тонкие феномены, как толкование, поведение, память и опыт².

При понимании действительности как социально конструируемого и культурно оформленного явления интерпретационные и поведенческие образцы исторических актеров преобретают статус центрального объекта исторического изучения. Из этого интереса к субъективному миру человека прошлого выросло целое направление современной историографии – культурная история (более известное в российской научной среде как микроистория, ментальная, социальная, интеллектуальная история или историческая антропология), демонстрирующее в последние два десятилетия первые внушительные успехи³. Поворот к изучению «субъективной реальности» намечается и в отношении революции 1905–1907 гг., в частности, в связи с показательным переходом в изучении возникших на ее волне политических партий от «арифметических», «объективных» показателей их численности, состава или описания их структур и программ к «более изощренным методам», нацеленным на «погружение в пучину их “бессознательного”»⁴.

Тем не менее можно констатировать отсутствие специальных исследований, убедительно отвечающих на вопросы: что же видело население в годы революции, как толковало происходящее и как на него реагировало, насколько востребованными и долговечными были ее опыт и память о ней для рядовой массы подданных, не задействованных в политических партиях или лишь мимолетно вовлеченных в их деятельность? Не претендуя на основательные ответы на эти непростые вопросы, попробую на основе собственного исследовательского опыта поделиться некоторыми наблюдениями,

которые, быть может, окажутся полезными для будущих исследователей этих проблем.

Объектом изучения при этом выступит незначительное меньшинство российского населения – городское население Урала в хронологических рамках 1905–1914 гг., в годы самой революции и в последующий период вплоть до начала Первой мировой войны, которая, как представляется, стала важным рубежом в жизни россиян, на фоне которого опыт революции и память о ней (на время) утратили былую актуальность. Следует отметить те немногие «объективные» характеристики уральских горожан, которые образуют некий социокультурный остов, вероятно влиявший на их восприятие и поведение во время революции. Уральские города, возникшие в XVI–XVIII вв. как крепостные пункты на пути колонизации региона, и в начале XX в. оставались преимущественно административными центрами. Уральская промышленность лежала за их пределами, а активность общественной и культурной жизни была весьма скромной, представляя собой причудливую комбинацию едва нарождавшихся элементов современной общественности (самоуправление, пресса и пр.) с патриархальными формами быта, коммуникации и досуга. Города росли относительно медленно, за исключением двух динамично развивавшихся и конкурировавших между собой уездных центров – Екатеринбурга и Челябинска. По данным переписи 1897 г., городские жители Урала составляли около 5 % уральского населения, едва достигая 500 тыс. «Чистая публика» оставалась незначительным меньшинством, и ее представители, как правило, были лично знакомы друг с другом. Приблизительно половина горожан была неграмотна. Примерно таков же был удельный вес холостого и пришлого населения. Большим был удельный вес нерусского населения городов – от 10 % в Перми до трети в Вятке и Оренбурге и до 2/3 в Уфе⁵. Исходя из статистических данных, можно предположить, что значительная часть населения чувствовала себя в городах не вполне уютно – культурная разнородность создавала поле для реальных или потенциальных конфликтов, которые могли резко обостриться в случае угрозы более-менее привычному ходу жизни.

Так и случилось в 1905 г., однако значительно позже, чем в столицах империи. До октября 1905 г. события в политических центрах страны едва коснулись местного населения. Стачки оставались ред-

ким явлением и не приобретали сколько-нибудь выраженной политической окраски, а празднование 1 мая – традиционную «встречу лета» – лишь в единичных случаях удавалось инструментализировать в политических целях. Чаще Первомай праздновался традиционно – с обильным пикником на природе и гулянием по центральным улицам под музыку городского или военного оркестра.

Лишь во второй половине октября – в связи со Всероссийской стачкой и опубликованием Манифеста 17 октября – уральские города были потрясены небывалыми событиями: массовым, значительной частью принудительным закрытием предприятий торговли, отключением электричества, открытыми демонстрациями и митингами на центральных улицах и площадях и, наконец, повсеместными столкновениями революционно и патриотически настроенных демонстрантов между собой и с полицией, а также погромами торговых заведений и частных квартир, принесшими немалый материальный ущерб и в отдельных случаях человеческие жертвы⁶.

Многое говорит в пользу того, что эти события стали центральными в представлениях уральских горожан о русской революции и ее актерах, сформировав первые политические устойчивые образы врага, которые затем инструментализировали политические конкуренты. Так, в Вятке на выборах в I Государственную думу местные монархисты крайне правой окраски именовались их оппонентами как «октябристы», имелось в виду их якобы активное участие в октябрьских погромах, в то время как для правых радикалов и их сторонников либеральная конституционно-демократическая партия ассоциировалась с теми, кто в октябре 1905 г. ходил с красными флагами⁷.

Дальнейшие события революции по остроте восприятия и реакции уральских горожан не идут ни в какое сравнение с октябрьскими эксцессами 1905 г. Декабрь 1905 г., в отличие от столиц, прошел на Урале спокойно. По свидетельству очевидца, «проявления революции здесь были совершенно ничтожны»⁸. Выборы в Государственную думу первых двух созывов 1906 и 1907 гг. прошли с относительным оживлением только в губернских центрах и Екатеринбурге – фактической столице Урала. В силу слабой организованности местной многопартийности и специфики политической культуры избирателей результаты выборов каждый раз до последнего момента оставались непредсказуемыми, вдохновляя оппози-

цию и разочаровывая консерваторов. Однако усталость и разочарование вскоре стали преобладающими настроениями. Характерно, что К. Н. Теплоухов, человек практический, весьма тщательно ведший свой дневник, «не заметил» ни роспуска II Государственной думы, ни выборов в III Думу. Записи об обоих событиях в его дневниках отсутствуют (или по причине второстепенности не были включены им в мемуары при переработке дневников). Не произвел особого впечатления роспуск II Государственной думы и на жителей Екатеринбурга, ставшего эпицентром политической борьбы на Урале во время революции⁹.

Впрочем, следует учитывать, что и сами октябрьские события 1905 г. протекали с разной степенью драматизма, приобретая в провинциальной глубинке оттенки, обойденные вниманием создателей революционных мифов – оттенки, отчасти комичные, во всяком случае с точки зрения здорового консерватора, каким был К. Н. Теплоухов. В его вполне заслуживающего доверия описании апогей октябрьской политической стачки в Челябинске представляет собой театр абсурда: «Девицы со склада стали смелее. Зовут меня в склад. В кабинете заведующего – шт[ук] 5 девиц, наиболее “сознательных”. “Вон они заявляют, что хотят бастовать. Как быть?” – сообщает заведующий. “Как бастовать? То есть не работать?” – спрашиваю девиц. “Понятно, не работать”. – “Дело ваше. Рассчитайте их!” – говорю заведующему. Девушки ответили: “Нет!.. Нам так, чтобы жалованье шло!” – “А вы стали бы держать работника и платить ему жалованье, а он не работал бы?” Смеются: “Конечно, нет!” – “Ну – так чего же?” Постояли, посмеялись, ушли на работу»¹⁰.

Не менее комично выглядит в его изложении и челябинский эпизод с освобождением политических заключенных «революционной» толпой в октябрьские «дни свобод»: «Стали освобождать заключенных. Выломали окна, подставили лестницы. Заключенные – их было всего десятка 3 – не выходят. Руководители залезли в окно – убеждают... Заключенные уперлись – не выйдем ни за что, здесь спокойнее... Руководители обратно – заключенные начали поправлять окна...»¹¹

При попытках разобраться с восприятием революции ее современниками не следует пренебрегать здравым смыслом: постоянно жить в революции и во имя революции или ее прекращения невозможно, не будучи ее фанатичным приверженцем или противником.

Для большинства уральских горожан она была лишь одним из факторов их жизни, преходящим и далеко не первостепенным. Люди продолжали жить повседневными заботами и реагировали на нее в той степени, в какой она нарушала привычный ритм жизни. Это обстоятельство находит отражение и на страницах мемуаров К. Н. Теплоухова, посвященных преимущественно вполне земным проблемам частной жизни: «Все эти события не нарушали, однако, общего строя жизни. Ребята так же аккуратно ходили в школы, дома играли во дворе, ссорились, мирились, шалили; иногда даже учили уроки. Жена хозяйничала, следила за порядком в доме. Я ходил в склад, в акцизное управление... вечерами сидел в Кредитке»¹².

Если учитывать, что восприятие революции из перспективы рядового городского жителя было неразрывно связано с его житейскими проблемами, понятно центральное место октябрьских волнений 1905 г. в формировании образов революции и ее актеров, равно как и толкование ее в рамках теории заговора. Обыватель сразу же начал искать виновника возникших бытовых неудобств, без труда обнаружив его, обратившись к привычному и понятному антисемейскому интерпретационному образцу. Не случайно юдофобские настроения выплеснулись на поверхность в «дни свобод», закрепив за беспорядками статус еврейских погромов, хотя среди их жертв на Урале религиозные и этнические евреи были незначительным меньшинством. За образом еврея в регионе, в котором иудеи составляли 0,06 %, в том числе в городах в среднем около 1 %, скрывались совершенно разные явления. «Еврей» выступал символом социально и культурно чужого и враждебного для большинства новых горожан, маркируя и революционеров, и капиталистов, и студентов, и либералов, и интеллигентов – всех тех, кто воплощал ощутимые перемены в России второй половины XIX – начала XX в., вне зависимости от этнической принадлежности¹³.

Легкость, с которой происходила мобилизация горожан под юдофобскими лозунгами, не означала гомогенности образа революции. Нарождавшиеся политические партии предлагали широкую палитру конкурирующих образов, на одном конце которого революция толковалась как «дни свободы», «общенародное счастье» или «очистительная буря», а на противоположном – как «смута», «братоубийство» и «погибель». Политические противники «награждали» друг друга такими эпитетами, как «грабители» и «враги наро-

да», «невежды» и «лицемеры». Усвоить или хотя бы принять их к сведению было нетрудно: они тиражировались прессой, которая переживала в годы революции бурный расцвет, ораторами на митингах и предвыборных собраниях, не говоря уже о том, что, по самым приблизительным подсчетам, каждый пятый уральский взрослый горожанин мужского пола в 1905–1907 гг. хотя бы формально и мимолетно принадлежал одной из политических партий.

По окончании революции, по мере деполитизации населения и упадка деятельности политических партий всех направлений (в 1912–1916 гг. количество политических организаций на Урале сократилось по сравнению с 1905–1907 гг. в 8 раз, а численность их членов – в 10 раз¹⁴), весь этот калейдоскоп предельно политизированных образов за ненадобностью исчез из употребления. Однако опыт 10-летней давности, судя по политическому вокабуляру 1917 г., не исчез бесследно, отложившись в дальних, менее востребованных в межреволюционный период слоях памяти и опыта. Закономерен вопрос: каким образом поддерживалась память о канувшей в прошлое революции и в каких формах отражались следы этого прошлого в повседневной жизни «нормального», неполитизированного горожанина?

Как известно, партийная печать в послереволюционный период, как и сами политические партии, переживала период упадка. При этом поступательно росла печать внепартийная, независимая. В так называемый «период рсакции» она (по количеству газетных номеров) выросла на Урале вдвое по сравнению с 1905–1907 гг., а в 1912–1916 гг. – вчетверо¹⁵. В независимой прессе преобладали либерально-демократические и общепозиционные настроения без нарочитой политической ангажированности. Для газет этого направления революция 1905–1907 гг. оставалась важной позитивной фигурой соотнесения, на основе сопоставления с ней оценивались последующие годы. Послереволюционное время воспринималось прогрессивной печатью пессимистично; 1908 г. виделся как «безрадостный и беспросветный». Не менее мрачно оценивались и 1909–1911 гг.: «печальный, безрадостный год», «год без итогов», «пустой, бесцветный, бессмысленный год», «темный год безвременья, мрачный, как могила, душный, как склеп», «темные провалы безвременья, сумерки общественной энергии»¹⁶.

Не был предан забвению и опыт избирательных кампаний в I и II Государственную думу. В отличие от выборов в III Думу, прошедших на Урале крайне вяло, выборы в Государственную думу 1912 г. вызвали большое оживление, сопровождаясь в губернских центрах и в Екатеринбурге межпартийной борьбой и пропагандистской конкуренцией, по интенсивности не уступавшим предвыборному ажиотажу революционной поры¹⁷. Опыт выборов в Думы по мере возможностей инструментализировался и во время избирательных кампаний в местное самоуправление. Как отмечала «Уральская жизнь» в 1908 г., «нынешние выборы в гласные Пермской городской думы происходили в первый раз при новой для нашего избирателя обстановке: было нечто напоминающее предвыборную агитацию, где-то происходили конспиративные совещания, печатались конспиративные списки, носившие названия “черносотенный”, “кадетский”, “прогрессивный”»¹⁸. Партийно-политические ярлыки служили идентификации конкурирующих групп и предполагали, что они ясны и однозначны для избирателя.

Однако прямое применение революционного опыта в избирательных кампаниях представляло собой лишь мимолетные эпизоды. В повседневной практике послереволюционных лет опыт 1905–1907 гг. был мало востребован и переживал массированную рутинизацию. Представляется, что заметное сокращение рубрики «Хроника» в уральских газетах в 1908–1909 гг. сигнализировало не столько о вакууме общественной жизни, отсутствии драматичных событий или об ужесточении репрессивных мер власти против независимой печати, сколько метаморфозу событий, представлявшихся ранее необычными, яркими или интересными, в рутину, не заслуживающую внимания. Эта метаморфоза сопровождалась процессом ускоренного вытеснения или забывания прошлого. Так, к досаде местных эсеров, рабочие Златоуста – оплот социалистов-революционеров на Южном Урале – в 1914 г. «не помнили» ни стольких событий 9 января 1905 г., ни даже расстрела местных рабочих в марте 1903 г., так называемую «Златоустовскую бойню»¹⁹.

Рутинизация необычного приводила к тому, что следы Первой российской революции обнаруживались в самых неподходящих местах и самых причудливых формах – порой комичных, порой жутковатых. Так, уральские горожане распевали песни из репертуара революции, усвоенные в 1905 г., в несоответствующих месту

и времени ситуациях. Не случайно местные монархисты неоднократно требовали от представителей власти запретить пение революционных песен в школах и общественных местах, а пение в нетрезвом виде «Марсельезы» екатеринбургским эсером в 1909 г. привело к ликвидации местной организации партии социалистов-революционеров²⁰.

Первые признаки рутинизации революционного опыта наметились еще во время революции. Внешне малозначимый, но показательный эпизод произошел в Вятке 9 января 1906 г., в первую годовщину «Кровавого воскресенья». Трое служащих мастерских губернского земства были задержаны полицейским патрулем за громкое пение во время поездки на извозчиках в дом терпимости. При составлении протокола задержанные «объяснили, что они празднуют 9-е число, и потому с пением рабочего марша поехали к проституткам»²¹.

Превращение необычного в обыденное отразилось и в языковой практике очевидцев революции. Революционные лозунги в силу нещадной эксплуатации постепенно превращались в бессмысленные словосочетания. Среди современников был широко известен курьезный случай, когда провинциальный полицейский определил лозунг «Долой самодержавие!» как известную русскую пословицу²². Многочисленные «экспроприации» социал-демократическими и социал-революционными боевиками казенного и частного имущества, получившие на Урале во время революции и особенно по ее окончании небывалый размах, привели к тому, что горожане стали использовать термин для обозначения банального вымогательства и грабежа, эскалация которого пришлась на эти же годы. Уральский корреспондент не без иронии отмечал, что «к грабителям такого рода настолько привыкли, что первым вопросом при свидании со знакомыми у гражданина уфимского является теперь: “А вас еще не экспроприировали?”»²³.

В качестве своего рода символа рутинизации революционного опыта может быть истолкована его трансляция в детские игры. Современники революции с тревогой отмечали, что дети стали играть в «экспроприации»: с криком «руки вверх!» они останавливали малышей и сверстников, обыскивали их, отбирали игрушки, срезали коньки; некоторые ходили с самодельными плетками для самообороны²⁴. Опыт насилия, привыкание к жестокости, с учетом

дальнейших событий, предположительно можно записать в разряд наиболее устойчивых компонентов повседневного опыта Первой российской революции.

Обращение к «субъективной реальности» современников революции 1905 г. – к воспринятому, усвоенному, «заархивированному» или вытесненному ее очевидцами – в очередной раз ставит под сомнение известный тезис о первой революции как «генеральной репетиции» 1917 г. На Урал, по свидетельству компетентного современника, Февральская революция в буквальном смысле слова «прислана в запечатанном конверте»²⁵. Для большинства горожан, не принадлежащих к местному «просвещенному обществу» или прозябающим партийным группировкам, не говоря уже о крестьянстве, сконструированная в их сознании реальность 1905 г. оставалась чужой и, как правило, негативно окрашенной. Следы опыта революции в повседневной жизни революционного и межреволюционного периода встречаются повсеместно, но часто проявляются в самых неподходящих обстоятельствах, свидетельствуя о фрагментации и малой актуальности революционного наследия. Вместе с тем этот опыт, видимо, не канул в небытие. Городское население Урала получило уроки совершенно разного свойства, отчасти опирающиеся на прежний опыт повседневного существования в одной из отдаленных провинций Российской империи, отчасти же совершенно новые – уроки участия в общественной жизни и демократических процедурах, обращения с идеологическими штампами и образами врага, а также привыкания к насилию и жестокости.

¹ Теплоухов К. Н. Челябинские хроники, 1899–1924. Челябинск, 2001. С. 87.

² См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 9–36.

³ См.: Ровный Б. И. Введение в культурную историю: Учеб. пособие. Челябинск, 2005.

⁴ Макушин А. Узловые проблемы истории российского либерализма // Исторические исследования в России-П. М., 2003. С. 358–359.

⁵ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 10: Вятская губерния. СПб., 1904; Т. 28: Оренбургская губерния. СПб., 1904; Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1904; Т. 40: Уфимская губерния. СПб., 1901.

⁶ Подробнее см.: Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 49–82; Нарский И. В. «Революционеры справа»: Черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг. Екатеринбург, 1994. С. 12–19.

- ⁷ Вятская жизнь. 1906. 28 марта; 8 апр.
- ⁸ Уральский край. 1907. 14 авг.
- ⁹ Там же. 5 июня.
- ¹⁰ Теплоухов К. Н. Челябинские хроники. С. 97, 98.
- ¹¹ Там же. С. 98.
- ¹² Там же.
- ¹³ Подробнее см.: Нарский И. В. «Революционеры справа»... С. 61–65.
- ¹⁴ См.: Нарский И. В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. Челябинск, 1995. С. 87, 88.
- ¹⁵ Подробнее см.: Там же. С. 250–259.
- ¹⁶ Вестник Уфы. 1909. 1 янв.; Вятская речь. 1910. 1 янв.; 1911. 1 янв; Оренбургский край. 1910. 1 янв.; Уральская жизнь. 1910. 1 янв.; Уфимский вестник. 1912. 1 янв.
- ¹⁷ См., напр.: Андреева Т. А. Идеино-политическая борьба между кадетами и социал-демократами Екатеринбурга на выборах в IV Думу (1912 г.) // Классовая борьба на Урале в период империализма и утверждения диктатуры пролетариата. Пермь, 1989. С. 12–20.
- ¹⁸ Уральская жизнь. 1908. 5 нояб.
- ¹⁹ ГАРФ. ДП ОО. 1916, д. 9, ч. 86, лит. «А», л. 3.
- ²⁰ ГАСО. Ф. 185, оп. 1, д. 89, л. 2–7.
- ²¹ Вятский вестник. 1906. 10 янв.
- ²² Маклаков В. А. Первая Государственная дума: (Воспоминания современника). Париж, 1939. С. 147.
- ²³ Вятский вестник. 1907. 16 янв.
- ²⁴ Камский край. 1906. 11 нояб.
- ²⁵ Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале, 1917–1918: (Опыт военно-ист. исслед.). М., 1995. С. 51.

Характер социокультурного развития России на рубеже XIX–XX вв.: конкретно-исторические и методологические аспекты

О. С. Поршнева

Уральский государственный технический университет – УПИ

Широкое представление о социокультурных процессах включает комплекс характеристик функционирования и развития общества как социокультурной системы. В результате либеральных ре-

© О. С. Поршнева, 2006